

Глава третья: В маминой спальне... Голый!

Когда я пришел в себя, я смотрел на свою нижнюю часть тела. Я был очень смущен. Казалось, что я сижу на одном из стульев из столовой, абсолютно голый, чего я никогда в жизни не делал. Первой мыслью было: 'Мама очень расстроится, если застанет меня голым на мебели', но тут же вспомнились моменты, предшествовавшие мой отключке, и я растерянно огляделся вокруг. Это было непонятно: хотя я сидел на одном из стульев из столовой, я не был в столовой. Хотя я никогда не был в ней, но, судя по тому, что я видел через открытую дверь, комната была похожа на спальню моей матери. И я догадался, что мама и сестры тоже были здесь, сидели на стульях из нашей столовой. Я говорю "догадался", потому что на головах у них были матерчатые капюшоны, и я не мог видеть их лиц, но одежда на них была та же, что и во время ужина. Когда я попытался пошевелиться, чтобы встать и помочь им, то обнаружил, что я прикован к ручкам и ножкам стула широкими кожаными ремнями на запястьях и лодыжках; оглянувшись на маму и сестер, я увидел, что они тоже прикованы, хотя из-за юбок я не мог определить, прикованы ли их ноги, как мои, но я видел ремни на их руках.

— Мама? — голова матери дернулась, чтобы повернуться в мою сторону, и ее голос сказал:

— Дэниел, слава богу. Ты в порядке?

— Немного больно, но в остальном все в порядке. Как ты и девочки?

Теперь от всех четверых доносилось бормотание, суть которого сводилась к тому, что они не пострадали. Тогда я взял себя в руки.

— Тише, пожалуйста! По очереди. Мама, что произошло после того, как они вошли, я был без сознания. Они кому-нибудь из вас причинили какой-нибудь вред?

— Мы видели, как тебя ударили и ты упал, потом они бросились на нас и надели нам на головы эти капюшоны, потом подняли нас и потащили вверх и вскоре пристегнули к этим стульям, которые, как я слышала, кто-то сказал принести вверх вместе с нами. Они похожи на наши стулья из столовой. Ты видишь, где мы находимся?

— Они не надели на меня капюшон, может быть, потому, что я тогда еще не очнулся. Кажется, мы в твоей спальне. Они что-нибудь говорили о том, что им нужно?

Мама ответила:

— Нет, пока нет. Кажется, там за главную какая-то женщина, но я не узнаю ни ее голоса, ни других голосов. Она, кажется, по крайней мере, образована, у нее светский акцент, а мужчины, которых я слышала, больше похожи на слуг. Ты уверен, что с тобой все в порядке?

— Я в порядке, но... вы должны знать, что они раздели меня и привязали голым к стулу.

— Голым! Боже мой, что происходит? Они собираются нас изнасиловать?

Я должен немного отвлечься и описать ситуацию и обстановку, в которой я оказался. Как уже говорилось, мы находились в спальне моей матери, привязанные к стульям за запястья и лодыжки. Мать и сестры были пристегнуты теми же ремнями, что и я, — широкими эластичными кожаными ремнями с несколькими пряжками на каждом, что, как мне показалось, было весьма странным. Казалось, что они предназначены для фиксации, чтобы не причинять вреда конечностям, на которых они используются. Это давало мне небольшую надежду на то, что наши захватчики не собираются причинять нам серьезный вред. Наши стулья были расставлены по полукругу, центром которого было изножье кровати, которая, как мне показалось при ближайшем рассмотрении, была снабжена кожаными ремнями, также прикрепленными к четырем стойкам, более длинными у изголовья и короткими у изножья. Ощущение от всего этого было зловещее.

Кроме того, комната была очень ярко освещена. Оказалось, что канделябры были принесены из других комнат и расставлены повсюду, чтобы было почти как днем.

Не успел я придумать, что сказать маме и сестрам, как дверь открылась и в комнату вошли три фигуры. Это были те самые три женщины, которые вошли вслед за четырьмя мужчинами, когда те ворвались в дом. Я смотрел на них, пытаюсь зафиксировать в памяти их образы, чтобы потом их опознать. Они сбросили верхний слой одежды и теперь были одеты в простые, но, безусловно, качественные повседневные платья, то есть были практически закрыты с головы до ног и кончиков пальцев. Цвет был темный, но не черный, может быть, для траура? Чем-то они напоминали мне мою мать и сестер, так что, может быть, это была мать и дочери? Их маски скрывали все признаки, по которым можно было бы догадаться об их личностях.

Та, который казалась старше и авторитетнее, посмотрела на меня и увидел, что я очнулся.

— Хорошо, ты снова с нами. Пора приступать.

— К чему приступать? Зачем вы это делаете? — спросила мама.

— Мы мстим.

— Мстите? За что? Мы же в жизни никого не обидели! — ответила мама.

— Нет, вы, наверное, не причиняли вред. Но твой муж причинил вред многим людям, женщинам и их семьям.

— Мне очень жаль, если он причинил вам боль, но при чем здесь мы? Мы больше не живем одной жизнью и не живем уже много лет.

— Мне жаль, но вам придется заплатить за это. Хотя, возможно, вы и не будете возражать, мы

же не собираемся причинять вам вред, просто заставим вас стать более любящей семьей, чем вы уже являетесь. Мы знаем, что на самом деле ему нет дела ни до тебя, ни до своих детей, за исключением, может быть, сына, да и тот, похоже, просто доказательство его мужественности, но он прекрасно понимает, что связь с вашей семьей повышает его социальный статус. Когда мы закончим, он будет знать, что его положение в вашей семье окажется под угрозой из-за возможного позора, который он понесет, если о том, что здесь произойдет, станет известно. Мы пошлем ему письмо, в котором расскажем о случившемся, и еще одно — его отцу, чтобы он знал, чем обернулся поступок его сына для его семьи.

В этот момент у меня вырвалось:

— Пожалуйста, не трогайте их. Делай со мной все, что хотите, но оставьте их в покое!

— Не волнуйтесь, как я уже сказала, мы никому не причиним вреда, если только нам не придется. Если вы будете делать все, что мы скажем, ничего страшного не произойдет. Однако, чтобы вы знали, если вы не будете сотрудничать, наши верные слуги внизу с удовольствием выведут вашего сына на улицу и избьют его до полусмерти за то, что ваш муж сделал с нами. Но нам пора приступать к тому, что мы запланировали, — с этими словами она подошла к моей матери и стянула с ее головы капюшон, а затем обошла вокруг и стянула капюшоны с трех моих сестер.

Я с тревогой наблюдал, как мама и сестры моргали глазами, привыкая к свету. Они искали глазами друг друга, чтобы убедиться, что все целы и невредимы, но потом посмотрели на меня, и я увидел, как они покраснели, увидев мое обнаженное тело, привязанное к стулу. У сестер был не самый полный обзор, а вот мама находилась прямо напротив меня и могла видеть всё, так как мои лодыжки были крепко привязаны к ножкам стула, и мои ноги были раздвинуты настолько, что член и яйца были хорошо видны ей. К счастью, в силу событий и обстоятельств, я не был возбужден, иначе мои сестры тоже смогли бы увидеть головку моего члена, торчащую над бедрами.

Кажется, мама пыталась не смотреть туда, но потом взгляд скользнул вниз, и я увидел, как ее глаза немного расширились, а румянец на щеках стал еще краснее. Мне пришлось отвести от нее взгляд, потому что я почувствовал, что пикантность ситуации начинает сказываться, мой член начал наполняться кровью и удлиняться. Я отвернулся, это немного помогло, и я понадеялся, что дальше дело не пойдет.

Женщина, которая вела разговор, подошла, встала за спиной моей матери и посмотрела на меня, тщательно осматривая с ног до головы.

— У тебя очень привлекательный сын, ты впервые видишь его голым?

— Конечно, нет, но я не видела ни его, ни его сестер голыми с тех пор, как они были маленькими детьми.

— Ну, а теперь, когда ты его видишь, что ты думаешь? Размер впечатляет, не правда ли? Даже

больше, чем у его отца, член которого до сих пор был самым впечатляющим из всех, кого я видела. Не то чтобы у меня был большой опыт, только у моего мужа и у вас.

Моя мать зажмурила глаза и скорчила гримасу.

— Вы настолько хорошо знакомы с моим мужем?

— Конечно, иначе разве я бы захотела отомстить ему подобным же образом?

Она продолжила:

— Ну что ж, начнем. Сейчас я освобожу тебя от пут и попрошу встать, а потом не двигаться. Я собираюсь разрезать твою одежду. Если ты будешь двигаться, то можете заставить меня порезать тебя, а если ты попытаешься напасть на меня, то я или мои дочери позовут наших слуг, и уже они разденут тебя догола, ты же этого не хочешь?

Она подошла к кровати и взяла тяжелые ножницы, открыла и закрыла их, а затем снова положила на кровать.

— Ну, так как? Будешь сотрудничать?

Я увидел, как по щеке мамы скатилась слеза, но она ответила:

— Да, я не буду двигаться.

— Отлично! — проворковала женщина и, наклонившись, начала расстегивать ремни, удерживающие маму на стуле, при этом ей пришлось немного приподнять мамино тело, чтобы добраться до тех, что удерживали ее ноги. Меньше чем через минуту они были расстегнуты, и женщина помогла моей матери встать на ноги лицом ко мне.

— О, посмотри на своего сына, похоже, ему не терпится увидеть тебя голой.

Она положила руку на руку моей матери и потянула ее вперед, чтобы она встала в центр полукруга, образованного нашими стульями.

Мама быстро взглянула на меня, затем закрыла глаза, и ее румянец вернулся. Мой член, хотя и не был еще полностью эрегирован, но уже начал расти.

— Прости меня, мама. — Я не закрыл глаза, так как хотел следить за тем, что происходит вокруг нас, но отвел взгляд от тела матери.

— Ничего подобного, я хочу, чтобы вы оба были с открытыми глазами. Я хочу, чтобы ты, Ребекка, да, я знаю, как тебя зовут, увидела реакцию своего сына на твое тело, я уверена, что ты быстро заставишь его пенис полностью отвердеть. Дэниел, я хочу, чтобы ты не сводил глаз со своей матери, пока я ее раздеваю. Держу пари, что у нее очень аппетитное зрелое тело, просто созданное для того, чтобы его ебали.

Мы с мамой чуть не задохнулись, услышав от нее такое вульгарное выражение, не думаю, что мои сестры когда-либо слышали его раньше и понятия не имели, что оно означает. Я знал это выражение, слыша его от рабочих на ферме, когда работал с ними, и мог только предположить, что моя мать слышала его от моего отца, так как это определенно не было термином, используемым в приличном обществе.

— Пожалуйста, моя мать и сестры не заслуживают такого наказания. Выведите меня и накажите, пусть ваши слуги побьют меня. Я не буду с ними драться.

— Нет, это должно отразиться на всей вашей семье, так же как действия вашего отца отразились на нашей, и последствия должны быть более длительными, чем час боли и несколько дней неприятных ощущений при восстановлении. Ребекка, если ты не захочешь сотрудничать и делать то, что я скажу, мне придется найти способ наказать тебя. Посмотрим, что может быть хорошим наказанием?

Она огляделась вокруг и посмотрела на моих сестер.

— Я знаю, если что — я отрежу прекрасные волосы твоей дочери Эбигейл. Держу пари, что на их отращивание уйдут месяцы.

Я услышал стон Гейл, и наша мать открыла глаза:

— Нет, пожалуйста! Я сделаю так, как вы говорите. Дэниел, делай, как она говорит.

— Держи руки по бокам и не пытайся прикрыться, когда я буду снимать с тебя одежду!

Женщина снова взяла ножницы, подошла к ней сзади и, подняв ножницы, начала аккуратно разрезать верхнюю одежду моей матери от шеи вниз. Ей пришлось потрудиться, но вскоре ей удалось взять одежды за обрезанные края и развести их в стороны спереди тела моей матери.

— Сними это и отбрось в сторону.

Моя мама на мгновение замешкалась, затем подняла руки и сдернула испорченную одежду, на мгновение скромно подержала ее перед собой, а затем, подняв глаза на меня, отбросила ее в сторону. В то время я не знал названий женской интимной одежды, но теперь знаю, что она стояла передо мной, демонстрируя мне больше обнаженной кожи, чем я когда-либо видел, в белой льняной сорочке, а поверх нее — корсете, который поддерживал ее прикрытую грудь и

утягивал талию, после чего оба предмета одежды исчезали в юбке. Руки и плечи моей матери были обнажены, если не считать двух бретелек от сорочки, которые ее поддерживали. Теперь наша мучительница поднесла ножницы и разрежала бретельки на сорочке, которая провисла вниз, открывая все больше и больше ее груди, но ее приталенная выкройка и корсет не давали сорочке упасть настолько, чтобы полностью обнажить грудь.

В этот момент я уже не думаю, что смог бы отвести взгляд или закрыть глаза, даже если бы попытался. Я подумал, что никогда не видел ничего столь прекрасного, и мое тело согласилось с этим, мой член вытянулся и начал подниматься между моих ног. Я видел, как мама опустила взгляд, и теперь я видел, как румянец проступает на белой коже ее груди, вплоть до верхней части её бюста, который все еще был прикрыт.

Я бросил быстрый взгляд в сторону, чтобы посмотреть, как к этому отнеслись мои сестры. Выражения их лиц были заинтересованными, наполовину смущенными, наполовину очарованными происходящим.

— Смотри сюда, Дэниел! — Наша мучительница заметила, что мое внимание рассеялось. — Ты сможешь потом смотреть на своих сестер сколько угодно. А сейчас смотри на свою мать!

Я оглянулся и увидел, как женщина стала разрезать юбку моей матери по талии, она разрежала её настолько, что драпированная ткань отрезалась от узкого пояса, а затем потянула за материал вниз. Ткань сползла на пол. Больше ничего не было видно — под юбкой был надет подъюбник. Теперь ножницы были направлены на него, и он тоже упал на пол.

Теперь стало видно больше: нижняя часть корсета и сорочки, а под ними — оборчатые льняные панталоны, спускавшиеся до верхней части бедер. Под панталонами виднелось немного оголенных бедер, а дальше ноги были закрыты чулками, которые удерживали черные подвязки, красиво украшенные вышитыми розами. Ступни мамы все еще были прикрыты юбкой и подъюбником, облегавшими их кучей ткани, лежащей на полу, но лишь на мгновение, так как женщина приказала моей матери выйти из неё и отбросить в сторону, и теперь стали видны мягкие домашние туфли моей матери.

Теперь женщина вытащила заднюю часть сорочки моей матери из под юбки и начала ее разрезать. Когда она добралась до шнуровки корсета, мама заерзала, и ей резко сказали:

— Не двигайся! Я не хочу порезать тебя, снимая это!

Через мгновение она обхватила маму и, ухватившись за нижнюю часть корсета и сорочки спереди, стянула их с тела матери и отбросила в сторону.

И вот передо мной предстала потрясающе красивые груди моей матери, которые я даже не мечтал увидеть. Без корсета они немного опустились, но сохранили свою форму. Центр каждой из них венчал большой темный сосок с плоской вершиной, который, должно быть, торчал из плоти у основания на полдюйма, не меньше. Основание соска переходило в плоть более светлого цвета, но все равно темнее, чем основная часть кожи груди. Эта промежуточный

участок плоти также отступал от окружности основной части груди, придавая ей вид груши с сосками в виде плодоножек. Основная часть плоти груди была очень белой, со слабым розовым оттенком и проступающими под ней голубыми венами, причем вены проступали и сквозь чуть более темный цвет ее больших пухлых ареол.

Не стоит и говорить, что это зрелище довершило рост моего члена, головка которого теперь торчала вверх к животу и виднелась над верхней частью бедер. Я не уверен, что мои сестры видели это, так как они, как и я, смотрели на нашу мать.

— Похоже, твоему сыну очень нравятся твои груди, Ребекка. Его член поднялся, чтобы поприветствовать их! И очень красивый член.

Сестры посмотрели на меня, их глаза широко раскрылись, и дыхание стало тяжелее. Мой взгляд сразу же вернулся к грудям нашей матери, пытаюсь запомнить, как они выглядят, так как я боялся, что это мой единственный шанс увидеть их, и, что не смогу смотреть на них долго.

Наконец, я оторвал взгляд от маминой груди и поднял его к ее глазам.

— Я люблю тебя, мама, мне так жаль, что это происходит, — сказал я ей, глядя в ее глаза, в которых плескались слезы, пытаюсь спроецировать на нее всю свою любовь через взгляд. Кажется, это помогло, она расправила плечи и сделала глубокий вдох, отчего ее грудь стала еще более эффектной.

— Скажи мне, Ребекка, ты кормила своих детей грудью или пользовалась услугами кормилицы?

Дрожащим голосом она ответила:

— Я сама кормила их грудью.

— Как долго ты кормила их?

— Каждую из моих дочерей до рождения следующего ребенка, а потом Дэниела в течение двух лет.

— Тебе это нравилось?

— Да, это доставляло мне большое удовольствие и давало ощущение связи с моими детьми.

— Да, я чувствовала то же самое со своими дочерьми. А теперь пора избавиться от последней одежды, — и, сказав это, женщина разрезала пояс панталон, и они упали на пол, обнажив

лобковый бугор моей матери. Слегка покрытый мелкими бледно-золотистыми волосками, как и волосы на голове, её лобок был, безусловно, прекрасным лобком. В то время у меня не было возможности сравнить его с другими, но ее лобок оказался самым выдающимся из всех, с которыми я сталкивался. Я не мог не смотреть на него: в центре была очень заметная щель, которая зияла, а от верха щели вниз тянулись пухлые губы. Мне показалось, что ей слишком жарко, так как на щели и губах выступила влага, как я предположил, от пота.

Я до сих пор мысленно представляю, какой красивой показалась мне мама в тот день. Ее прекрасная стройная фигура с округлостями, чуть выпуклый животик и широкие бедра, на которых едва виднелись верхушки тазобедренных костей, ее невероятная грудь, которая вздымалась от эмоций, которые она переживала, и ее стройные ножки, все еще в чулках и подвязках.

Женщина снова заговорила:

— Подумайте, дети, когда вы родились, каждый из вас вышел из этого места между ног вашей матери.

Моя мать застонала от смущения и начала было прикрывать себя руками, но сдержалась и остановилась.

— Теперь я хочу, чтобы ты подошла к своему сыну и дала ему пососать свой левый сосок. Готова поспорить, что он хотел бы, чтобы у тебя в них еще было молоко, чтобы он его попил.

Эта мысль сначала даже не пришла мне в голову, но теперь она твердо засела в моем сознании, и да, я действительно хотел бы снова почувствовать вкус грудного молока, которое питало меня первые два года моей жизни.

Пока я размышлял над этим, мама подошла и встала прямо передо мной, поставив свои ноги между моими, пристегнутыми к креслу, и приблизив свои груди, так, что они оказались в нескольких сантиметрах от моего лица. Я был совершенно потрясен тем, как прекрасны они были вблизи. Я мог разглядеть еще больше деталей, чем раньше: кожа на сосках морщилась по бокам, придавая им несколько грубоватый вид, а у их основания появились мурашки. Понимая, что у меня нет выбора, мне все равно нужно разрешение мамы, я поднял глаза и спросил:

— Можно, мама?

— Конечно, мой дорогой, спасибо, что спросил, — мамина рука обхватила мой затылок и притянула меня к своему левому соску. Я жадно открыл рот и взял в него сосок, затем сомкнул губы и начал сосать. Это было самое замечательное, что случалось со мной в жизни до этого момента. Мне захотелось узнать об этом побольше, и я стал исследовать сосок языком, надавливая на него и кружась вокруг, находя вкус ее кожи совершенно замечательным, а упругую текстуру очень возбуждающей. Я услышал, как мама застонала, и ее рука, казалось, сильнее прижала меня к своей груди.

Через минуту или две я услышал, как женщина сказала:

— Уверена, что твой второй сосок хотел бы получить такое же удовольствие, дай его ему сейчас.

Мама послушно вытащила этот сосок из моего рта и протянула мне другой. Я уделил новому соску то же внимание, что и первому, и почувствовал, что могу заниматься этим всю ночь! Жаль только, что руки мои не были свободны, чтобы я мог потрогать не только соски, но и остальную плоть груди.

Через, как мне показалось, слишком короткое время женщина приказала моей маме отойти. Ей пришлось повторить, прежде чем мама, казалось, услышала ее. Наконец мама отпустила мой затылок и отступила назад. Ее соски казались еще длиннее, чем раньше, и влажно блестели от моей слюны. Я также заметил, что кожа на ее груди уже не такая белая, как раньше, она стала пестрой, как будто на ней появилась сыпь.

Потом мучительница сказала:

— А теперь иди и дай своим дочкам попробовать твои соски.

— Нет, пожалуйста. Не просите меня об этом!

— Делай, что тебе говорят! Или мне начать резать волосы твоей дочери? — Она выхватила ножницы, которые все еще держала в руке.

Мама с неохотой перешла влево, туда, где сидела моя сестра Кэти. Сестре пришлось наклониться вперед, чтобы достать до соска нашей матери, так как юбки Кэти не позволяли матери подойти так близко, как ко мне, но уже через мгновение рот Кэти оказался вокруг левого соска нашей матери, и она, казалось, жадно засосала его. Это привело меня в восторг, когда я увидел, что рука матери, как и у меня, легла на ее затылок и сильнее прижала рот Кэти к своей груди. Через несколько минут женщина потребовала поменять соски, как это было со мной, и уже не было похоже на то, что наша мать не хочет этого делать.

Через несколько минут:

— Пора переходить к следующей дочери.

Наша мать послушно перешла к Гейл, моей старшей сестре, которая сидела следующей по полукругу. Похоже, что она с нетерпением ждала своей очереди, быстро наклонившись вперед и захватив левый сосок нашей матери. Мама снова застонала и прижала лицо Гейл к своей груди. Теперь наша мать стонала не переставая. Когда прозвучал сигнал, и Гейл взяла в рот правый сосок нашей матери, я увидел, как наша мать задыхается, ее глаза широко раскрылись, а затем закрылись, она зашаталась, ей пришлось положить руку на плечо Гейл, чтобы

удержаться в вертикальном положении.

Женщина внимательно наблюдала за всем этим и теперь шла вперед к нашей матери.

— Грязная мамаша! Неужели твои детки, сосущие твои соски, только что заставили тебя кончить?

Если раньше мне казалось, что мама краснеет, то теперь она стала очень красной, казалось, до самых грудей.

— Пожалуйста, не заставляйте меня говорить.

— Нет уж, говори. А потом расскажи своей дочери, как тебе было хорошо, — и в подтверждение своего приказа она снова щелкнула ножницами в руке.

— Да, я кончила, — прошептала мать, но достаточно громко, чтобы мы все услышали. Потом еще громче: — Спасибо, Гейл, ты сделала маме так хорошо.

И снова покраснела и, казалось, очень смутилась от своего признания.

Женщина сказала:

— Хорошо, теперь очередь Бетани.

Мама послушно шагнула к Бет и дала ей свой левый сосок. Мамина рука снова прижала лицо дочери к своей груди, и она снова начала стонать.

Судя по озадаченному выражению лиц моих сестер, они не знали, что такое "кончить", но скоро узнают, не то чтобы я в тот момент представлял, что еще их ждет.

Теперь мама была частично отвернута от меня и повернута лицом к Бет, и я впервые увидел ее обнаженную спину. Мои глаза впились в простор ее гладкой спины с лопатками и позвоночником, переходящим в ровную плоскость, которая сужалась от плеч к узкой талии, ниже, чуть выше ягодиц, по обе стороны от крестца были две восхитительные ямочки. Затем бедра расширялись, а ягодицы округлялись, восхитительно разделенные расщелиной, которая шла вниз и под ягодицами, переходя в разделенные бедра.

Женщина снова объявила время и через несколько минут велела моей матери снова сесть прямо напротив меня, где ее быстро привязали к стулу. Разумеется, теперь она была обнажена и полностью открыта для меня, как и я для нее. Казалось, ей было трудно смотреть мне в глаза, ее взгляд то и дело опускался к моим коленям, где торчал мой эрегированный член, направленный вверх. Я чуть не кончил, когда увидел, как она облизывает губы, глядя на него.

<http://erolate.com/book/3729/95354>